ПОЛВѢКА ОБЫКНОВЕННОЙ ЖИЗНИ.

ВОСПОМИНАНІЯ ИВАНА АЛЕКСѢЕВИЧА ШЕСТАКОВА.

Предлагаемыя здѣсь главы составляютъ начало весьма любопытныхъ и занимательныхъ записокъ въ нѣсколько томовъ, озаглавленныхъ: **Полвѣка обыкновенной жизни, воспоминанія И. А. Шестакова**. Недавность передаваемыхъ въ нихъ событій, имена дѣйствовавшихъ лицъ, или еще живыхъ, или оставившихъ представителями своего имени ближайшихъ родственниковъ, и то и другое не позволяетъ печатать эти записки вполнѣ. Но ознакомившись съ ними и испытавъ удовольствіе ихъ слушать, я уговорилъ автора позволить мнѣ напечатать изъ нихъ нѣсколько отдѣльныхъ главъ. Онъ далъ мнѣ право на печатаніе подъ условіемъ: не искажать ихъ никакими измѣненіями. Подчиняясь со всею строгостію предложенному мнѣ условію, я взялъ изъ нихъ самое отдаленное время и тутъ долженъ былъ пропустить всѣ тѣ мѣста, которыя, по вышеизложеннымъ причинамъ, могли бы попрепятствовать ихъ печатанію. Не могу не сказать, что для обрисовки времени, общественнаго положенія, бытовой жизни людей различныхъ слоевъ, наконецъ для отысканія начальныхъ нитей многихъ значительныхъ событій, сдѣланные мною пропуски лишили предлагаемыя здѣсь читателямъ главы многаго весьма занимательнаго, мѣтко подмѣченнаго и живо разсказаннаго; но я не могъ выходить изъ предѣловъ возможности, а между тѣмъ мнѣ непремѣнно хотѣлось познакомить соотечественниковъ съ этими записками. Вотъ между прочимъ причина, заставившая меня настойчиво просить позволенія у автора напечатать хотя нѣсколько главъ, хотя бы и съ пропусками. Мнѣ удавалось слышать много

современныхъ записокъ весьма занимательныхъ, каждыя въ своемъ родѣ. Нѣкоторыя изъ нихъ писаны мастерски, и въ нихъ какъ въ зеркалѣ, со всею живостію и яркостію, изображено прожитое и проживаемое нами время; другія замѣчательны психологическою искренностію писавшаго, поучительны и часто увлекательны, особенно когда приходилось передавать въ нихъ неожиданныя трудности жизни; третія передаютъ болѣе общественный порядокъ не такъ еще давняго времени (пожалуй даже и не порядокъ, а бытъ, потому что большею частію въ немъ не было и помину о какомъ нибудь порядкѣ). Во многихъ изъ нихъ пишущіе останавливаются на половинѣ своего труда съ вопросомъ, весьма естественнымъ въ современной, исключительно-счетолюбивой жизни: „Къ чему это?“ Авось либо примѣръ другихъ и удовольствіе, доставляемое имъ чтеніемъ чужихъ записокъ, уничтожитъ сомнѣніе и поддержитъ рѣшимость довести начатое до конца. Записки современниковъ далеко не праздное развлеченіе, какъ думаютъ многіе; значеніе ихъ гораздо выше и обширнѣе. Историческое повѣтствованіе, какъ бы оно ни было подробно, передаетъ и можетъ передать только внѣшность всѣхъ сторонъ жизни; записки современниковъ вливаютъ въ него душу и воскрешаютъ жизнь давно былаго. Прочтите множество исторій среднихъ вѣковъ, вы узнаете всѣ событія, внутреннія ихъ причины и послѣдствія; но если вы не читали автобіографіи Бенвенуто Челлини, вы не войдете въ обиходную жизнь того времени такъ, какъ будто вы въ ней росли и жили, а между тѣмъ въ этой автобіографіи вы не находите ничего новаго противъ того, что уже извѣстно изъ разсказовъ историческихъ.

Ѳ. Чижовъ.

ВОСПОМИНАНІЯ И. А. ШЕСТАКОВА.

Ty early thoughts of good outstriped the truth,
And troubled manhood followed hatled youth.
Байронъ (Byron) [1]).

ТОМЪ I.

„Моимъ семьямъ: кровной и къ кровопролитію человѣчно меня готовившей“.

ГЛАВА I.

Нѣсколько словъ о моихъ родителяхъ.—Эпизоды изъ военной и гражданской службъ во времена Александра I.—Домашнее воспитаніе въ провинціи въ тридцатыхъ годахъ.—Публичное воспитаніе въ тотъ же періодъ времени.

Едва ли бы могъ я прибрать эпиграфъ болѣе подходящій къ моимъ воспоминаніямъ. Челнъ мой, прихотливо носившійся по волнамъ жизни въ молодости, нынѣ, на шестомъ десяткѣ, отрепанный противными вѣтрами, помятый [2]) подводными скалами, потертый столкновеніями съ различными препятствіями, достигъ наконецъ порта отдохновенія. На сколько самъ я неискусно правилъ собственнымъ кораблемъ и какъ часто налетали на меня противники, судья-читатель.

Пишу не романъ, а быль, подъ часъ лишенную всякой занимательности. Не моя вина, если жизнь сложилась безъ поражающихъ обстоятельствъ, и кто вздумаетъ искать въ моихъ сказаніяхъ увлекающихъ случайностей, не удовлетворитъ себя и не пойметъ моей цѣли. При убѣжденіи, что въ каждую эпоху, даже наиболѣе богатую событіями, все-

---

[1]) Мечты дней ранних о добрѣ дѣйствительность опередили,
И бурной зрѣлостью лишенную покоя юность заменили.

[2]) Морское выраженіе.

го занимательнѣе сами люди, на нихъ преимущественно я обращаю вниманіе и упоминаю факты для того только, чтобъ выставить причастныхъ къ нимъ дѣятелей.

Родъ мой происходитъ изъ дворянъ... Это, впрочемъ, не представляетъ никакого интереса. Нельзя однакожъ, избѣжать совершенно отчета о моемъ происхожденіи. Ближайшихъ виновниковъ его очертить необходимо: отъ нихъ зависѣла непосредственно моя природа и первоначальное воспитаніе. За тѣмъ нужно поговорить о собственныхъ юношескихъ дняхъ. Читатель увидитъ тогда, достигнута ли цѣль моего возвращенія; могъ ли я стать инымъ, чѣмъ оказался впослѣдствіи и чья вина, если дѣйствительность не отвѣтила предположеніямъ. Впрочемъ, въ этомъ отношеніи, вѣроятно всѣхъ виновнѣе судьба: я родился въ 1820 году *1-го Апрѣля*. Какой же православный рѣшится повѣрить самому рожденію моему, не только допустить, чтобъ изъ него вышло путное?

Первое мѣсто въ моихъ воспоминаніяхъ принадлежитъ матери. Святая тѣнь ея проститъ дерзновенныя странствованія мечты моей въ дальнемъ прошломъ. Отрадно и теперь, по истеченіи 35-ти лѣтъ, перенестись ожесточенною опытомъ мыслію къ чистому сосуду любви и самоотверженія. Съ 18-ти лѣтъ она промѣняла Москву, начинавшую веселиться на своемъ великомъ пепелищѣ со всею яростію Славянскаго веселья, на убогую хату въ Смоленской губерніи, и 18 другихъ лѣтъ провела безвыѣздно въ деревнѣ, вскармливая 12 дѣтей, заботясь о нихъ до одичалости. Дѣйствительно, мать одичала въ свѣтскомъ смыслѣ, чувствовала себя неловкою въ обществѣ и едвали что-нибудь шила себѣ послѣ приданаго. За то въ семействѣ, въ кружкѣ истинныхъ друзей, сіяніе радости не сходило съ ея чуднаго, томнаго образа. Спокойное, самодовольное лицо говорило окружающимъ: „смотрите, какъ я счастлива, никому не завидую, ничего не желаю, не возбуждаю ни чьей злобы и ни на кого не ношу ея въ своемъ сердцѣ“. Всѣ ея помыслы сосредоточивались на воспитаніи дѣтей. Я росъ съ склонностію заикаться, нѣсколько вислоухимъ и близорукимъ. Первыя десять лѣтъ моей жизни таже неустанно-нѣжная рука подвязывала лентою мои уши и удерживала книгу, постепенно отдаляя ее отъ моихъ глазъ для изощренія зрѣнія; тотъ же преисполненный доброты голосъ безпрестанно повторялъ мнѣ говорить медленно, и мать находила наслажденіе въ моихъ усиліяхъ замѣнить обыкновенный трескъ слова пѣвучими, растянутыми звуками, которые, мало по малу, вытѣснили безобразные *staccato*. Теперь, на шестомъ десяткѣ, мнѣ чужды всякіе хроническіе недуги; пукъ волосъ еще щетинится при раздраженіи, а въ минуты радости не стыдятся выказаться зубы готовые преодолѣть всякое препятствіе. Ушные мускулы окрѣпли еще въ дѣтствѣ такъ, что въ корпусѣ никто не билъ меня ребромъ ладони по ушамъ, чему подвергались вислоухіе. Близорукость не помѣшала мнѣ прослужить 30 лѣтъ во всѣхъ званіяхъ и обязанностяхъ въ морской службѣ; относительно же недостатка слова, послѣдующая жизнь выказала, можетъ быть, что я перешелъ къ другой крайности. Всѣ эти перемѣны произвела мягкая рука женщины. Растеніе, окрещенное моимъ именемъ, поливалось непрерываемою струею материнской любви. Ея ангельскій лепетъ училъ меня всѣхъ прощать, зла не помнить и всегда говорить правду; но я лишился 16-ти лѣтъ охранявшаго меня духа любви и истины, и жесткая щетка жизни соскребла съ меня, вмѣстѣ съ нѣкоторыми неправильными наростами, и мягкорунную ворсу материнской ткани. Матушкѣ приходилось бороться съ своенравною природою. Въ замѣчаніяхъ отца, озаглавленныхъ *О дѣтяхъ*, вижу слѣдующія подробности, доставляющія ключь къ выясненію моего будущаго: „Сложеніядовольно крѣпкаго. Упрямъ и вспыльчивъ; на второмъ году былъ наказанъ за упрямство. Понятія и память хороши,

но не такъ быстры какъ у старшаго брата (Николая); за то въ характерѣ болѣе твердости. Къ наукамъ способенъ".

Выраженіе *убогая хижина*, которое я употребилъ, коснувшись перехода матери изъ Москвы въ деревню, буквально точно. До-сихъ-поръ еще въ Смиловскомъ домѣ можно видѣть три комнаты съ маленькими окнами и неподшитыми балками свидѣтельствующія о его первоначальномъ назначеніи. Въ нихъ жилъ до нашествія староста *Григорій*, а барской домъ стоялъ на противоположномъ краѣ большаго двора. Былъ ли онъ каменный вполнѣ, или только по второй этажъ, не знаю. Высота кирпичныхъ стѣнъ, оставшихся по превращеніи дома въ хозяйственныя службы, несомнѣнно указываетъ на прочную постройку по крайней мѣрѣ нижней его части. Настоящіе господскіе хоромы разрослись неправильно изъ избы старосты по мѣрѣ размноженія семейства и образовали издѣвающуюся надъ законами архитектуры уродливость, которую покойный М. П. Лазаревъ, до страсти чтившій классическую правильность въ зодчествѣ, прозвалъ *мыльнымъ заводомъ*. Неуклюжій заводъ этотъ давалъ, однакожъ, нерѣдко ночлегъ 40—60 гостямъ; правда не затѣйливый, какъ все касавшееся жизни въ деревнѣ въ то незатѣйливое время, но безъ непріятныхъ излишествъ и вполнѣ удовлетворявшій нравственнымъ требованіямъ. Прежній домъ былъ сожженъ корпусомъ Нея, или тѣмъ что отъ него осталось, когда онъ ударился о Милорадовича на рѣчкѣ Лосминѣ, подъ Краснымъ, и пробирался на правый берегъ Днѣпра, къ Гусиному, чрезъ нашу усадьбу.

Въ памяти моей осталась старая, сухая какъ вылежалая кость, несомнѣнная дѣва, Надежда Семеновна, бывшая въ двѣнадцатомъ году и до конца своей жизни нашей вѣрной ключницей. Упоминаю о ней не только по поводу нашего разоренія въ отечественную войну, но потому, что эта почтенная вѣтла была *alter ego* матушки, хотя не существовало двухъ женщинъ такъ мало между собою схожихъ. Надежда Семеновна, въ моемъ дѣтствѣ, представляла вѣчно-грозное существо пергаментнаго колорита, прямое какъ верстовой столбъ и съ муравьиною неутомимостію. Надежда Семеновна ни на что не смотрѣла и все видѣла, совсѣмъ не ступала, а постоянно двигалась. Что-то усталое виднѣлось на ея неизмѣнно-строгомъ лицѣ, и едвали она спала когда-нибудь, считая обязанностью, кромѣ требованій хозяйственнаго присмотра, лично видѣть матушку успокоившеюся послѣ тяжкихъ головныхъ болей, весьма часто мучившихъ ее ночью, и встрѣтить утромъ отца, вставшаго лѣтомъ съ солнцемъ, а зимою въ пять часовъ. Матушка никогда не слыхала отъ нея жалобъ. Смиловская вираго отличалась собственной инициативой и царила надъ дворнею самодержавно. Матушка сама постоянно снискивала ея расположеніе и сносила ея короткія, безъ всякихъ прикрасъ высказываемыя нравоученія, просто воркотню. Какъ умная, опытная женщина, Надежда Семеновна знала, однакожъ, „предѣлъ его же не прейдеши", никогда не мѣшалась ни единымъ словомъ въ наше дѣтское существованіе и даже не позволяла себѣ отвѣчать матушкѣ, когда та спрашивала ея совѣтовъ касательно дѣтей. Къ отцу она всегда относилась почтительно, подходила къ нему, если возможно, съ большею нежели обычно серіозностію, выслушивала приказанія, даже выговоры (хотя рѣдкіе), съ совершеннымъ безмолвіемъ и отходила ровнымъ, неслышнымъ шагомъ, съ тѣмъ же упорнымъ молчаніемъ. Всѣ въ домѣ ея боялись и уважали, и не только въ домѣ, но на деревнѣ и во всемъ околодкѣ Надежда Семеновна была въ большомъ почетѣ, хотя, какъ говорится, не касалась деревни и околодка пальцемъ, едва ли выходивши когда-либо за рѣшетку двора. Легенда ея была извѣстна старому и малому. Она до того озлилась на Французовъ, поджигавшихъ нашъ домъ, что разсерженные въ свою очередь мародеры хо-

тѣли лишить ее будущей извѣстности. Вираго́ освирѣпѣла и вступила въ звѣрскій бой; противники бѣжали и слава ея осталась обезпеченною. Вѣроятно бездѣльники были остановлены прибытіемъ начальника или страхомъ быть перенятыми нашими отрядами; но народъ, склонный приписывать успѣхъ единственно силѣ, возвелъ Надежду Семеновну въ богатыри, и съ ней никто не спорилъ.

Староста Григорій пользовался такимъ же почетомъ, но, какъ патріарху, почетъ ему и подобалъ. Во время печальнаго начала моего самосознанія, къ которому веду рѣчь, Григорій былъ величественный 80-ти лѣтній старецъ саженнаго роста, горбившійся развѣ только въ минуты забытья. На мощныхъ, безъ малѣйшаго скоса, плечахъ бодро высилась изукрашенная львиною гривою голова; густая борода сочеталась съ гривою въ библейской гармоніи и окаймляла еще свѣжія румяныя щеки, подступавшія съ чисто-славянскою особенностію къ сѣренькимъ глазамъ. Огонь ихъ потухъ уже и замѣнился преисполненною мысли пытливою томностію. Вѣчный работникъ, три четверти вѣка поднимавшійся ранѣе дня, Григорій представлялъ собою величавый образецъ чувства долга. Несуетное повышеніе (уже 50 лѣтъ онъ былъ на высшей ступени крестьянской іерархіи), не слава или извѣстность (онъ родился и умеръ рабомъ), не расчеты личнаго благосостоянія (онъ отказалъ все церкви) побуждали вѣтхозавѣтнаго старца къ всегдашней дѣятельности. Барская земля, амбары, луга и стада были собственнымъ его достояніемъ. Раскладывая удобреніе, онъ лелѣялъ ниву будто живое существо, самодовольно гладилъ свою шелковую бороду, любуясь бороздами измельчившими пашню въ порошокъ способный принять малѣйшую влагу, и гордо высился, опираясь правою рукою на длинный посохъ и заложивши лѣвую за кушакъ, когда ссыпали въ амбары благодатную жатву. Особенно любилъ Григорій пропускать мимо себя стадо, когда въ золотистый, лобызающій душу вечеръ его загоняли домой. Дѣтская душа старца видимо тонула въ благоговѣніи и признательности къ Виновнику всякаго блага; медленно обнажалъ онъ голову и творилъ крестное знаменіе, восторженно лепеча чистыми устами: „благодареніе Господу“. Простосердечіе и ревность къ обязанности, обыкновенно растущая только при постепенномъ расширеніи круга дѣятельности, тѣмъ болѣе были поразительны въ Григоріѣ, что голова у него была ума палата и память дивная. Во всемъ что́ относилось къ жизни, онъ былъ истинный мудрецъ, указывалъ на причины встрѣчавшихся ему фактовъ съ поразительною вѣрностію и не менѣе точно угадывалъ послѣдствія различныхъ дѣйствій и случайностей. Онъ часто бралъ меня съ собою на поля, гдѣ встрѣчались еще остатки жертвъ гигантскаго безумія. Разговоръ заходилъ о памятномъ нашествіи, и еслибъ историкъ-философъ подслушалъ выводы Григорія, почему принялъ въ войнѣ дѣятельное участіе народъ, онъ отрекся бы отъ скептицизма, приписывающаго возстаніе помѣщичьей власти, и убѣдился бы, что въ двѣнадцатомъ году поднялась на врага земля. Бойкая память Григорія указывала лысинки, полянки и рвы, гдѣ было особенно густо устлано трупами такого-то Октября; а сжатая, ясная какъ азбука рѣчь, переносила къ памятному дню безъ всякихъ усилій воображенія. И съ виду и умомъ богатырь былъ Григорій Ѳедоровичъ. Все что́ жило кругомъ низко ему кланялось: да и самъ баринъ ломалъ ему шапку, хотя не любилъ кланяться. Свято чтилъ Божьи праздники Смиловскій староста, и всѣ сторонились въ приходскомъ храмѣ, когда онъ шелъ ставить свое приношеніе святымъ иконамъ. Нельзя было и не сторониться: съ перваго шага старца вѣтхая, безпрерывно поправляемая церковь ходила ходуномъ.

Я распространился о Григоріѣ Ѳедоровичѣ и Надеждѣ Семеновнѣ, потому что сроднился съ ними въ горькій часъ

смерти матушки. Печальное обстоятельство привело меня несовсѣмъ ожиданно къ страдальческому одру ея изъ Петербурга. Въ 16 лѣтъ, среди слишкомъ еще юныхъ братьевъ и сестеръ, я одинъ могъ понимать всю важность нашей потери и нравственное состояніе отца. Насталъ предназначенный мигъ! Утомленные многодневнымъ тяжелымъ ожиданіемъ, мы вышли съ отцомъ на чистый воздухъ, крѣпко сжавши другъ другу руки. Крестьяне и дворовые, съ Григоріемъ Ѳедоровичемъ и Надеждою Семеновною во главѣ, стояли, притаивъ дыханіе, и всѣ перекрестились, завидя насъ на крыльцѣ. Сердитая, изсохшая Надежда Семеновна разлилась слезами, не проронивши ни слова и на долго осталась какъ нѣмая. Святительскій ликъ Григорія Ѳедоровича озарился неземнымъ выраженіемъ. Тихо подошелъ старецъ къ отцу, задушевно обнялъ его, потомъ поднесъ меня къ своимъ губамъ и, поднявши выше головы, какъ бы поручая Невидимому Покровителю, опустилъ благоговѣйно въ объятія земнаго отца. Сладки чрезъ 35 лѣтъ такія воспоминанія! На минуту, покрайней мѣрѣ, становишься лучше, совершеннѣе, улавливаешь въ себѣ нравственное достоинство; а что̀ можетъ сравниться съ ощущеніемъ, что, несмотря на черствость жизни, остался еще человѣкомъ. Говорятъ, и на солнцѣ пріятно замѣчать пятна. Можетъ быть и такъ; но свѣтлый огонекъ въ темной безотрадной ночи имѣетъ, по моему, еще бо̀льшую прелесть. Съ духовною радостію я вспоминаю и заношу въ мою лѣтопись этотъ эпизодъ крѣпостнаго права, или точнѣе безправія, благодаря Бога, уже не существующаго.

Отецъ имѣлъ вліяніе на всю мою жизнь; съ нимъ, до 36-ти лѣтняго возраста, я былъ постоянно въ умственномъ общеніи, дѣлилъ чувства и впечатлѣнія. Наше существованіе, хотя раздвоенное разстояніемъ, текло болѣе или менѣе сообща, и потому я долженъ поговорить о немъ нѣсколько подробнѣе. У дѣда моего было трое дѣтей: два сына и дочь, замѣнившая моимъ малолѣтнымъ сестрамъ мать. Почему дѣдъ, отставной кавалеристъ, помѣстилъ обоихъ сыновей въ морской шляхетный корпусъ, мнѣ неизвѣстно. Знаю только, что старшій Александръ, дѣлалъ съ Сенявинымъ кампанію въ Средиземномъ морѣ и въ 1811-мъ году возвратился съ командою проданнаго Французамъ въ Венеціи фрегата Автроля, чрезъ Вѣну, въ Петербургъ и Кронштадтъ. Вступая въ послѣдній городъ, команда проходила мостъ, подъ нею обрушившійся. Дядя былъ единственною жертвою происшествія и умеръ морскою смертію въ Петровскомъ каналѣ. Отецъ, по окончаніи курса въ корпусѣ, былъ посланъ усовершенствоваться въ морскихъ познаніяхъ въ Англію, гдѣ пробылъ до разрыва съ тамошнимъ правительствомъ, послѣдовавшаго за Тильзитскимъ миромъ. Изъ сохранившихся атестатовъ различныхъ Англійскихъ командировъ видно, что его величали изъ вѣжливости волонтеромъ, но считали *able seaman*, по нашему матросомъ первой статьи. Школа была суровая, какъ видно изъ его вседневныхъ записокъ. Онъ возвратился въ отечество черезъ Швецію и Финляндію, позднѣе другихъ товарищей, вмѣстѣ съ М. П. Лазаревымъ. Оба подоспѣли къ постыдной Ханыковской кампаніи, были взяты на *Благодать*, какъ ретивые молодые офицеры, и посланы буксировать *Всеволода*, ставшій на мель у входа въ Балтійскій Портъ. Корабль былъ взятъ непріятелемъ, но подробности случая далеко еще не исчерпаны, и простой незатѣйливый разсказъ участника, можетъ быть, послужитъ матеріаломъ для будущаго историка Ханыковскихъ подвиговъ. Очевидецъ-свидѣтель только что оставилъ прежнихъ друзей, сдѣлавшихся врагами, и сохранилъ пріобрѣтенную на Англійскомъ флотѣ привычку вести журналъ плаванія по часамъ *)....

*) Мы опускаемъ выдержку изъ морскаго журнала, веденнаго отцемъ автора. *И. Б.*

22-го Сентября 1808 года „Благодать“ вбѣжала на Кронштадтскій рейдъ безъ парусовъ (такъ свирѣпо дулъ западный вѣтеръ) и застала тамъ всю эскадру, не замедлившую втянуться въ гавань.

Удачное бѣгство отъ значительно превосходныхъ уже непріятельскихъ силъ не возстановило конечно утерянной чести. Всѣхъ виновнѣе былъ избранный начальникъ. На него обрушился справедливый, хотя не въ свойственной обычной мягкости Государя формѣ, гнѣвъ покойнаго Александра Павловича.

Отецъ продолжалъ служить и скоро пріобрѣлъ имя отличнаго офицера. Командиры брали его на расхватъ, видя въ немъ познанія, необыкновенную ревность и строгость къ собственнымъ поступкамъ. Его зналъ весь флотъ по лихимъ, на искусствѣ основаннымъ, выходкамъ. Одна изъ нихъ знакома читателямъ Морскаго Сборника изъ статьи „Трехдечнаго“. Долго, послѣ отставки даже, отецъ былъ популяренъ между сослуживцами, и уваженіе къ нему выказывалось прежними товарищами вниманіемъ ко мнѣ, хотя служба моя отдѣлялась отъ его службы 25-ю годами времени.

Въ 1813 году, при осадѣ Данцига, отецъ получилъ мучительную рану. Ядро оторвало у него пятку, раздробивши кость, и операція очистки раны отъ множества костяныхъ обломковъ была мучительнѣе самой раны. Непріятная случайность привела его въ Кенигсбергскій госпиталь, гдѣ онъ пробылъ болѣе года. Здѣсь онъ приступилъ къ подневнымъ запискамъ, которыхъ не прекращалъ до самой смерти. Велъ онъ записки и прежде, даже въ Англійскомъ флотѣ; но тѣ ограничивались подробностями служебными. По временамъ однакожъ, и въ нихъ встрѣчаются разсужденія вслѣдствіе чтенія различныхъ философическихъ сочиненій, выказывающія, что морякъ не довольствовался познаніемъ моря только; но въ Кенигсбергѣ чтенія и разсужденія его стали серьезнѣе, дѣльнѣе и въ особенности приняли религіозно-философическій характеръ. Вѣроятно жизнь на чужбинѣ, лишенная согрѣвающаго вліянія всего роднаго и въ добавокъ сопровождавшаяся страданіями, расположила отца къ сосредоточенности. Это преимущественно видно изъ оставленныхъ имъ сравненій Вольтера съ Златоустомъ, набросанныхъ втеченіи параллельно-веденнаго чтенія обоихъ философовъ. Съ самыхъ молодыхъ лѣтъ отецъ отличался религіозностію, и направленіе это, само собою, усилилось съ годами. Несомнѣнно, для меня покрайней мѣрѣ, читавшаго его впечатлѣнія и умствованія, что чувство это было въ немъ въ высшей степени сознательно.

По излеченіи раны, отецъ переѣхалъ въ Петербургъ и явился къ замѣнившему П. В. Чичагова Французскому эмигранту маркизу де Траверсе. Политически убитый на Березинѣ, нѣкогда сильный въ совѣтахъ имп. Александра, Чичаговъ очень цѣнилъ отца и обѣщалъ ему передъ кампаніею начальническое положеніе. Инвалидъ рѣшился высказать это маркизу, прибавя, что и несчастная случайность дѣлаетъ его неспособнымъ къ побѣгушкамъ и посылкамъ. Маркизъ, авантюристъ какихъ немало дала намъ эмиграція или лучше собственная слѣпая ненависть къ Французской революціи, мало думалъ о пользѣ флота: напротивъ, былъ очень радъ видѣть равнодушіе къ нему Государя, такъ какъ у самого не лежала къ морю придворная душа. Обратитесь къ моему предшественнику“, отвѣчалъ маркизъ съ ироническою вѣжливостію, и отецъ отправился въ долговременный отпускъ. Конечно, дѣду не трудно было склонить его къ отставкѣ. Единственный отпрыскъ семейства, разоренныя нашествіемъ имѣнія, начинавшія слабѣть собственныя силы и наконецъ необходимость набрать товарища жизни—все это сѣялось дѣдомъ на почвѣ, взъерошенной негодованіемъ. Въ добавокъ, уѣздное дворянство захотѣло имѣть отца судьею. Дѣло было

рѣшено, и связь съ коронною службою на всегда порвана.

Черезъ два года отецъ привезъ въ хижину старосты Григорія 19 лѣтнюю жену, какъ я упоминалъ прежде. Съ небольшимъ годъ привелъ въ спокойное дотолѣ убѣжище большаго сорванца, старшаго брата моего Николая; а еще черезъ полтора года родился пишущій эти строки. Читатель вѣроятно приберетъ мнѣ прилично кличку: самъ же замѣчу, что мнѣ будто съ рожденія суждено было кричать:

Мнѣ душно здѣсь...

Отъ меня начинается перестройка избы въ барской домъ.

Съ отцомъ и матерью я провелъ десять лѣтъ. Прежде нежели коснусь домашняго моего воспитанія, познакомлю читателя нѣсколько ближе съ его верховнымъ распорядителемъ. Начну съ общественной дѣятельности отца. Красинскій уѣздный судъ достался ему со множествомъ не только неконченныхъ, но даже неначатыхъ дѣлъ и былъ сущій *гальюнъ*, какъ выражался отецъ на морскомъ нарѣчіи. Ежедневно новый судья пріѣзжалъ раннимъ утромъ изъ деревни, за семь верстъ, и учился, какъ говорилъ, у секретаря и членовъ. Чрезъ нѣкоторое время роли измѣнились. Видя, что уроки наставниковъ въ дѣлѣ правосудія не сходятся съ дѣйствіями, отецъ объявилъ, что слѣдуетъ и имъ отъ него позаимствовать. Поздно вечеромъ, возвращаясь къ молодой женѣ, онъ давалъ каждому члену, покорабельному, свою долю труда на слѣдующій день, а секретаря, послѣ тщетныхъ увѣщаній, запиралъ въ судѣ на замокъ. Къ исходу трехлѣтія въ судѣ не оказалось болѣе дѣлъ: возникавшія кончались неизмѣнно миромъ или по личному рѣшенію судьи. Въ основаніе усилій отца мирить тяжущихся легъ презабавный случай, точь въ точь напоминающій ссору Ивана Ивановича съ Иваномъ Никифоровичемъ. Богатый помѣщикъ Краевскій жилъ въ сосѣдствѣ и на одной рѣчкѣ съ другимъ, кажется, Азанчеевымъ, тоже имущимъ. Сосѣди жили дружно до того гибельнаго дня, въ который одному вздумалось прислать другому свѣжей рыбы въ знакъ дружескаго вниманія. Рыба оказалась уснувшею. Вознегодовалъ обиженный, и началась война Гвельфовъ съ Гибеллинами, въ которую родные обѣихъ сторонъ и тѣхъ родныхъ родные ударились со всѣмъ ожесточеніемъ ничѣмъ неодолѣваемой провинціяльной скуки. Ставъ у одного оказался на нѣсколько вершковъ выше положенія и затопилъ луга другаго. Поскакалъ гонецъ съ грознымъ предложеніемъ срубить ставъ, былъ принятъ въ плети, и разлилась убогая рѣченка моремъ кляузъ и сутяжническихъ придирокъ, процѣдила сквозь каверзы тысячу душъ богача и все достояніе имущаго, занесла тиною ябеды оранжереи, образцовые птичники, сады и парки, и пустила одного изъ противниковъ по міру. Тамъ гдѣ прежде было приволье и довольство, гдѣ весело лилась пріятельская бесѣда и царилъ миръ, все обернулось вверхъ дномъ. Сгнившій ставъ рухнулъ, зажурчала освобожденная отъ сцѣпленія рѣчка и стала неумолкно хохотать надъ людскимъ безуміемъ. Отецъ засталъ это Гоголевское дѣло и личнымъ вліяніемъ склонилъ враговъ къ миру, а то дошло бы до уголовщины.

Но прежде нежели Красинскій уѣздный судъ пришелъ въ такое благополучное положеніе, губернаторъ, баронъ Ашъ, прислалъ зятя своего, вице-губернатора, обревизовать дѣло. Современники помнятъ, что творилось въ тѣ времена княженія въ Смоленскѣ кичливаго барона. Вице-губернаторъ, какъ помощникъ всемогущаго Нѣмца, оффиціально освѣщался его сіяніемъ, а будучи въ добавокъ зятемъ начальника, считался костью отъ костей его. Онъ началъ ревизію тѣмъ, что приказалъ докладывать при себѣ какое то дѣло и сѣлъ на предсѣдательское мѣсто. Судья приказалъ придвинуть другое кресло и попросилъ вице-губернатора пересѣсть на него. Послѣ нѣкотораго сопротивле-

нія, прекращеннаго указаніемъ на уложеніе о судахъ, вице-губернаторъ долженъ былъ согласиться. Ревизія кончилась благодарностію начальства. Прошелъ годъ. До губернатора дошли слухи о какихъ-то новыхъ порядкахъ въ Красинскомъ судѣ, заведенныхъ безъ его вѣдома. Снова ревизія, и на этотъ разъ оказалось, что отецъ простеръ жажду примиренія далѣе законныхъ предѣловъ: въ случаѣ обвиненія одной изъ сторонъ, казна выиграла бы 140 рублей ассигнаціями. Судья былъ преданъ суду, а еслибъ оказалось невозможнымъ донять его этимъ способомъ (какъ дѣйствительно и оказалось), мщеніе, единовременно съ личною атакою на отца, обезпечило успѣхъ нападеніемъ на дѣда.

Дѣдъ, предоставя часть имѣнія отцу, проживалъ самъ въ одной изъ деревень, часть которой была въ Смоленской губерніи, а другая въ Витебской, т. е. не только въ этнографической, но по тогдашнимъ разбойничьимъ откупнымъ правиламъ и въ *вольной* Бѣлоруссіи. Обѣ части раздѣляла грязная рѣчка Смолиговка въ которой лѣтомъ нельзя было утопить мухи. Дѣдъ счелъ выгоднымъ устроить на свободной отъ вицегубернаторскаго вліянія и налоговъ сторонѣ винокуренный заводъ, на что занялъ у добрыхъ людей значительную сумму денегъ. Единовременно съ ревизіей Красинскаго суда, обнаружившею преждевременное стремленіе судьи къ мировому разбирательству, на Велико-русской сторонѣ дѣдовскаго имѣнія нашли въ нѣсколькихъ хатахъ корченое вино. Заводъ былъ запертъ; на дѣдѣ остались обязательства кредиторамъ, которыя по смерти его перешли къ отцу; да освобожденіе нѣсколькихъ семействъ отъ ссылки стóило немало денегъ. Короче, вся жизнь отца прошла въ уплатѣ долговъ Опекунскому Совѣту, куда онъ заложилъ достояніе для немедленнаго расчета съ частными долгами. Только въ послѣдній годъ жизни онъ избавился отъ тягостной для него мысли передать сыну запутанное имѣніе, но пріятели нерѣдко надъ нимъ подшучивали, въ особенности отецъ жены моей, добродѣтельнѣйшій А. И. Михайловской, тогда еще блестящій офицеръ генеральнаго штаба. Толкуютъ ли о цѣнѣ продающагося имѣнія, многимъ она кажется дорогою. Что за цѣна, возражаетъ Алексѣй Ивановичъ съ добродушною своею улыбкою. Братъ Алексѣй! (такъ называлъ онъ отца) не помнишь, что̀ заплатилъ ты за кресло? Въ нашей гостиной стоялъ твердый, обитый сафьяномъ мучитель. Пріѣзжіе, не зная, что отецъ особенно любилъ сидѣть на немъ въ рѣдкія минуты относительнаго успокоенія, иногда, по какой-то причудѣ, предпочитали его другимъ кресламъ. „Что вы“? шепталъ съ таинственною важностію Алексѣй Ивановичъ: за это кресло братъ Алексѣй и теперь еще платитъ; оно его по праву, и шуткамъ о креслѣ не было конца. Но дорогое кресло отца стало смертнымъ одромъ его гонителю. Исторія надѣлала въ свое время много шума и, пристегнутая къ многимъ другимъ, составила дюжій обвинительный протоколъ. Доблестный Сергій Ивановичъ Лесли, тогдашній губернскій предводитель, написалъ Государю слѣдующее письмо, достойное сохраниться въ памяти потомства:

„Опустошенная непріятелемъ Смоленская губернія воздвигнута всемилостивѣйшимъ воззрѣніемъ и щедротами В. И. Величества. Раны страданій закрыты, но страдать не престаютъ кроткій народъ и здѣшнее военное дворянство отъ жестокости и гоненія здѣшняго губернскаго начальства. Страсти господствуютъ, и тѣмъ колеблятся въ подчиненныхъ благонравіе и къ службѣ ревность. Дворянскимъ собраніемъ выбираемые уничижены, не закономъ, своевластіемъ. У сего начальства ничего не значитъ обрѣтенная честь въ полѣ и на морѣ. Едвали въ которой губерніи столько убитыхъ и раненыхъ изъ дворянскаго сословія, даже цѣлыми семействами. Въ иномъ три брата, всѣ убиты на сраженіяхъ: въ другомъ два брата убиты, третій раненъ; тамъ ранены че-

тыре брата, не считая истребленныхъ, замученныхъ въ самой губерніи. Изъ бѣднаго только дворянства болѣе ста чиновниковъ представлено раненныхъ отъ здѣшней губерніи въ учрежденный комитетъ на благоусмотрѣніе. Но сіе военное дворянство здѣсь подъ командою тѣхъ, кои никогда непріятеля въ полѣ не встрѣчали. По представленіямъ г. губернатора, совѣтники и ассесоръ, оные члены Губернскаго Правленія, вышедшіе изъ приказныхъ и подобнаго званія, безъ имѣній, когда своевластіемъ чье имѣніе разстроятъ, нечего взыскать; а важнѣе всего, честь зависитъ отъ нихъ же. Съ ними-то г. губернаторъ угнетаетъ военное дворянство, по выборамъ служащее, тягостію многочисленныхъ пеней, предаетъ во множествѣ сужденію Уголовной Палаты. Къ вящщему же сомнѣнію возникъ тройной союзъ: губернаторъ тесть, вице-губернаторъ его зять; другой зять, полковникъ Гернгроссъ, вѣдаетъ продажею водки; а тѣ, касательно продажи вина злоупотребленія попуская, во вредъ казны и народа, самовластно и безъ суда отрѣшаютъ отъ должности, оскорбляя честь выбранныхъ для службы и тѣмъ самымъ разрушая дворянскаго собранія выборы къ жестокой обидѣ всего сословія".

„Красинскаго и Еленскаго Земскихъ Судовъ члены отрѣшены Губернскимъ Правленіемъ, волею губернатора, но одному только увѣдомленію зятя его, вице-губернатора, что будто бы Красинскаго Земскаго Суда члены оказываютъ притязанія къ питейному сбору въ подрывъ казнѣ, а Еленскаго за неправильное слѣдствіе къ закрытію корчемства. Сіе безъ суда отрѣшеніе дозволяетъ будто Губернскому Правленію указъ 1794-го года Августа 22-го, генералъ-прокурору Самойлову данный; но въ немъ сказано о высочайшей власти, что при малѣйшемъ подозрѣніи, а наипаче при доказательствѣ о попущеніи корчемства, земскіе и прочіе чиновники будутъ отрѣшены и преданы суду, а начальники губерній подпадутъ подъ строгій отвѣтъ предъ Ея Импер. Величествомъ. Но Смоленское начальство присвоило себѣ власть безъ суда отрѣшать и тогда уже предавать уголовному суду. Но и сужденію подлежали ли, когда изъ нихъ два члена Еленскаго Земскаго Суда, спустя полтора мѣсяца, опредѣлены въ Земской Судъ опять, и сужденіе отмѣнено тѣмъ же Губернскимъ Правленіемъ, а чиновники вмѣсто ихъ назначенные уничтожены. И при семъ случаѣ отступлено отъ закона перемѣною своего опредѣленія, какъ бы для того, что они пріѣзжали въ Смоленскъ у тѣхъ же съ поклонами искать правосудія, коими обижены. Красинскаго Земскаго Суда членовъ въ отрѣшенія поводомъ было отрытіе онымъ злоупотребленій питейнаго сбора продажею вина изъ Красинскаго правленія во вредъ казны, пойманною исправникомъ; тогожъ правленія надзирателя Декирхова и помощниковъ его побои уѣзднымъ жителямъ, отниманіе лошадей и вещей, выемка у крестьянъ удѣльныхъ, экономическихъ, помѣщичьихъ и отставныхъ солдатъ будто корчемнаго, но купленнаго въ казенно питейныхъ домахъ вина (что и слѣдствіями доказано), забраніе владѣльческихъ крестьянъ зимою стеречь по границѣ Бѣлорусской, съ опасностію отморозить члены, не провезутъ ли вина, а экономическихъ лѣтомъ, на лошадяхъ, по росписанію г. вице-губернатора съ г. губернаторомъ, отъемля чрезъ то руки отъ полевыхъ работъ, возможность снискивать пропитаніе семейству и на платежъ податей. За тѣмъ означеннаго надзирателя Декирхова, извѣстнаго по дерзости, приняты выдумки изъ мести на членовъ Красинскаго Земскаго Суда и, не требуя отвѣтовъ, отрѣшены они и преданы сужденію Уголовной Палаты. Но какъ Декирховъ простеръ свою дерзость въ самомъ городѣ Красномъ, высѣкъ мѣщанина столь тирански, что едва живъ остался, и замкнулъ въ амбаръ; стонъ его доведенъ къ правящему должность городничаго уѣздному судьѣ капитанъ-лейтенанту Шестакову, который съ помощію военныхъ взялъ страдальца

оттуда и отрапортовалъ. Тогда вице-губернаторъ, прибывъ на мѣсто, долженъ былъ Девирхова смѣнить, но суду едва ли преданъ; только счетъ снимаютъ. За всѣмъ тѣмъ Шестакова рѣшимость по видимому непріятна, и вскорѣ велѣно править должность городничаго засѣдателю Уѣзднаго Суда, который весьма уступчивъ и голосу не имѣетъ; а такіе для здѣшняго начальства нужны. И дабы имѣть во всей губерніи подобныхъ исправниковъ, представлялъ г. губернаторъ, скрытно отъ меня, управляющему министерствомъ полиціи; и какъ бы предваряя высшее начальство о столь великомъ числѣ оставляющихъ по выборамъ службу, приводитъ причину частыхъ перемѣнъ кандидатами, что при семъ будто нѣкоторые сознавались ему, что отъ угрозъ дворянства опятнать ихъ черными шарами при выборахъ за исполненіе должности, а для того проситъ опредѣлять исправниковъ по его избранію отъ короны".

„Объяснять не смѣю недостатокъ истины во всемъ томъ; но выше доказано, чѣмъ выгоняютъ изъ службы, какъ и новый опытъ безъ суда отрѣшенія, въ нарушеніе грамоты, отъ должности Еленскаго Земскаго Суда членовъ Іюня 25-го, а на другой день, 26-го числа, представилъ о великомъ числѣ оставляющихъ службу, и для того дозволить исправниковъ ему избирать. Слѣдовательно, вмѣсто истивы, такъ нужно было написать подъ стать въ надеждѣ имѣть исправниковъ отъ короны, по назначеніямъ г. губернатора, какъ онъ проситъ, домогаясь нарушенія дворянской грамоты, высочайше пожалованной отъ безпримѣрной благости В. И. Величества. Но онъ желаетъ новыхъ исправниковъ, дабы все согласовало упомянутымъ членамъ Губернскаго Правленія и дабы чрезъ сихъ, безъ имѣній и голоса людей, распоряжать обывателями всѣхъ уѣздовъ".

„А сей наборъ исправниковъ, совмѣстно съ чиновниками питейнаго сбора, также безъ имѣній, составитъ крѣпкій союзъ для пріобрѣтенія имѣній отъ владѣльцевъ и народа: поколику извѣстно, что какъ прошедшій вѣкъ былъ вѣкъ безбожія, такъ сей вѣкъ есть вѣкъ корыстолюбія. Такіе ли чиновники не дозволятъ себѣ всѣхъ способовъ обогатиться на счетъ обывателей? Какое избавленіе невинному отъ изощреннаго искусства къ привязкамъ и клеветамъ? Кто оправдаться можетъ, когда слѣдствія отъ слухъ питейнаго сбора надзирателей съ такими исправниками должны зависѣть? Находятся уже при всѣхъ судахъ опредѣляемые отъ короны уѣздные стряпчіе, изъ бѣдныхъ, а живутъ не бѣдно".

„Городъ Смоленскъ, до сего губернатора весьма веселый и пріятный, обратился въ унылый и скучный. Благородныхъ проживаетъ мало. Изъ уѣздовъ бываютъ по дѣламъ или отданные въ Уголовную Палату. Между прочимъ г. губернаторъ предложеніями изволитъ мнѣ относиться на умноженіе расходовъ изъ суммы на повинности собираемой, съ прибавкой отъ меня согласія моего на расходы и для повинностей неузаконенныхъ, о надзорѣ уѣзднымъ предводителямъ за продажею соли; а Еленскому Земскому Суду, съ уѣзднымъ стряпчимъ, предписалъ прочесть ослушнымъ своему владѣльцу крестьянамъ увѣщаніе, съ тѣмъ чтобъ поклялись предъ святымъ крестомъ въ повиновеніи помѣщику. Примѣровъ такой присяги не бывало; законъ не позволяетъ. Подъ конецъ написано: затвердить крестьянамъ, что онъ, какъ наѣстникъ, двѣнадцатый годъ управляетъ губерніею".

„Къ стопамъ правосудѣйшаго Монарха, всемилостивѣйшаго Государя, повергаю сіе всеподданнѣйшее донесеніе съ краткою выпискою".

Прислана была комиссія, поразившая барона Аша своевременнымъ ударомъ, а отецъ былъ впо[illegible] оправданъ „по частному дѣлу, навлекшему на него преслѣдованіе мѣстной власти", а по судейской его дѣятельности вообще, поставленъ въ „достойный подражанія примѣръ."

Такой исходъ имѣла полвѣка назадъ *честная покорность* въ Россіи.

Въ жизни не рѣдко повторяются тѣ же случайности. Черезъ двадцать почти лѣтъ злодѣйское кресло снова намѣтило въ существованіи отца рѣзкую мѣтку. Въ половинѣ тридцатыхъ годовъ вели изъ Смоленска на Москву шоссе. Часть расхода была отнесена на губернскій земской сборъ. Ассигнованная сумма потрачена на первыя 40 верстъ, до Соловьевой переправы. Смоленское дворянство всегда было готово на возможныя жертвы, но „жертвовать можно только тѣмъ, что имѣешь", какъ выразился одинъ изъ нашихъ предводителей по поводу какой-то новой жертвы, требовавшейся правительствомъ, „а денегъ у насъ нѣтъ". Дворянство жаловалось, и покойный Николай Павловичъ велѣлъ выбрать депутатовъ въ комиссію для повѣрки работъ. Отецъ былъ въ числѣ избранныхъ. Губернаторъ, Н. И. Хмѣльницкій, попросилъ его къ себѣ и выразилъ желаніе, чтобъ грѣхи строителя, полковника Шванебаха, были по возможности покрыты. Онъ убѣждалъ отца употребить его вліяніе на товарищей и пожалѣть семью виновнаго. Отецъ возразилъ, что жалѣетъ невинныхъ дѣтей, но преслѣдовать виновнаго отца велитъ ему законъ. „Законъ, у васъ все законъ, Алексѣй Антиповичъ: вѣдь вы дѣйствовали по закону, и законъ васъ оправдалъ, а кресло-то дорого вамъ далось!" Отецъ охотно шутилъ съ друзьями но не жаловалъ шутокъ, если имп надѣляли въ видѣ милости. „Какъ же вы такъ легко смотрите на законъ, Николай Ивановичъ?" возразилъ онъ; „не укажи мнѣ законъ, что вы мѣстный губернаторъ, я не имѣлъ бы чести теперь съ вами говорить". Шванебахъ былъ лишенъ званія, да и поэтъ-губернаторъ ослѣпъ въ крѣпости. Упорно охраняя порядокъ, которому подобныя безобразія были присущи, думали уничтожить свойственное системѣ зло неимовѣрными строгостями и карами.

Жизнь отца, какъ я говорилъ уже, была связана нравственно и умственно съ моею до самой его кончины; но чтобъ избѣжать повтореній, сдѣлаю здѣсь же общій очеркъ этого проникнутаго борьбою и трудомъ существованія. До 60-ти слишкомъ лѣтъ онъ несъ бремя общественной службы, никогда не отказываясь отъ выборовъ и въ обязанностяхъ лишенныхъ вознагражденія. Послѣднія шесть лѣтъ его общественной дѣятельности проведены въ званіи совѣстнаго судьи. Дѣло требовало постоянной жизни въ губернскомъ городѣ, отстоявшемъ отъ нашей усадьбы на 40 верстъ. Поздно вечеромъ, каждую пятницу, труженикъ возвращался въ семейство и въ понедѣльникъ снова былъ въ присутствіи. Онъ любилъ ѣздить по ночамъ, чтобъ не терять времени и постоянно употреблялъ туже четверку вороныхъ, прозванныхъ *безсмертными*. Въ рѣдкіе наѣзды мои домой мнѣ случалось дѣлить съ нимъ эти ночныя странствованія. Безсмертные трогались съ мѣста бойкой рысью. Отецъ немедленно засыпалъ; за нимъ упокоивались лакей и кучеръ — и колесница сама собою двигалась по большой Смоленско-красинской дорогѣ, столь же исторической, сколько гористой. Разумныя животныя пріостанавливали бѣгъ передъ каждымъ пригоркомъ, бережно ввозили насъ на вершины и снова спускались рѣзвой рысью, по временамъ всхрапывая, почуявъ волка. Безсмертные, также по собственному побужденію, входили шагомъ въ узкіе Молоховскіе ворота и городской рысцой подкатывали насъ къ крыльцу, гдѣ содержащее останавливалось съ обычнымъ пріятнымъ путнику скрипомъ, а содержимое просыпалось; при этомъ кучеръ Михайло обыкновенно приговаривалъ „славно докатили", напоминая муху на возу.

Приступая къ воспоминаніямъ о собственной моей личности, коснусь бѣгло всего нашего семейства. Изъ двѣнадцати дѣтей шестеро достигли сознательнаго возраста—четыре сына и двѣ дочери. Всѣ сыновья служили во флотѣ; два меньшіе продолжали домашнее воспитаніе

до 15-ти лѣтняго возраста, а старшіе, т. е. братъ Николай и я, оставались дома только до 11-ти и 10-ти лѣтъ. Сестры вышли въ свое время замужъ, и старшая умерла вслѣдствіе первыхъ родовъ; младшая составляетъ со мною остатокъ довольно многочисленнаго рода, значущагося въ Россійскомъ гербовникѣ. Но едвали кому-либо изъ членовъ этого рода приходило въ голову рыться въ своихъ пергаментахъ. Но подлежитъ сомнѣнію, что Ѳедоръ Шестаковъ сопровождалъ княжну Елену въ Вильну, какъ невѣсту Ольгерда. Братъ Николай, даровитый малый, безвременно сложилъ кости на Кавказѣ: злая Черноморская горячка сломила его удалую, беззаботную натуру. Слѣдовавшій за мною, Дмитрій, умеръ отъ холеры въ Петербургѣ, куда только что прибылъ, поступивши по смерти М. П. Лазарева, у котораго былъ адъютантомъ, адъютантомъ же къ князю А. С. Меншикову. Младшій братъ, Петръ, состоялъ адъютантомъ при В. А. Корниловѣ по день его геройской смерти, а потомъ командовалъ Волынскимъ и Селенгинскимъ редутами, съ которыми погибъ 26-го мая 1855 года. Товарищемъ моимъ въ дѣтствѣ былъ сынъ родной сестры матери, К. И. Скюдери, Александръ, также павшій въ главѣ своего Одесскаго полка въ битвѣ на Черной рѣчкѣ. Какъ видно, многіе кровные мои заплатили долгъ Россіи какъ слѣдуетъ.

И такъ, до десяти лѣтъ, я росъ дома подъ непосредственнымъ наблюденіемъ отца, очерченнаго выше въ служебномъ отношеніи. Мое воспитаніе зависѣло преимущественно отъ частной жизни его. Отецъ происходилъ отъ здороваго сильнаго корня и разцвѣлъ болѣе въ ширину, нежели въ высоту. При тучности и весьма короткой шеѣ, природа назначила ему кратковременную жизнь, но не даромъ носилъ онъ большую голову. Разумъ привилъ къ нему необыкновенную силу воли и настойчивость. Всю жизнь онъ вставалъ рано, былъ ежеминутно занятъ или двигался. Задавши себѣ цѣль привести въ порядокъ и очистить имѣніе, онъ сдѣлался извѣстнымъ хозяиномъ, поднимался съ солнцемъ и отправлялся по полямъ верхомъ или пѣшкомъ; вечеромъ, въ рабочую пору, онъ не кончалъ дня, не убѣдившись лично, что заданная работа сдѣлана. Зимою, въ шесть часовъ утра, онъ отправлялся, какъ говорилъ, по *адмиралтейству*, т. е. по различнымъ мастерскимъ имъ устроеннымъ и въ заведенную имъ крестьянскую школу. Продажа продуктовъ и издѣлій, нарядъ подводъ и различныя хозяйственныя распоряженія всегда производились имъ самимъ, и всякое приказаніе записывалось въ особый, нарочно приспособленный къ постоянному наблюденію за ходомъ дѣла *тетрадяхъ*. Безпрестанно ѣздилъ онъ по имѣніямъ, разбросаннымъ на 40 верстномъ разстояніи, не останавливаясь передъ знаменитыми нашими проселочными дорогами и еще болѣе знаменитыми мостами и переправами. Короче, хозяйскій глазъ былъ всюду. Кромѣ воды ничего не пилъ, жестко постилъ въ постные дни и вообще мало давалъ себѣ покоя. Отъ вечерняго чая до полночи онъ обыкновенно бесѣдовалъ съ родными или пріѣзжими и днемъ регулярно отдыхалъ пять шесть минутъ на кожанномъ диванѣ. Помню, какъ въ отпуску, съ часами въ рукахъ, я наблюдалъ за его сіестой, и едва ли когда-либо она продолжалась до четверти часа. Въ такомъ необыкновенномъ случаѣ онъ вскакивалъ на ноги, раскачивался какъ въ смертномъ грѣхѣ и похрамывалъ скорехонько раненою ногою на гумно, въ амбаръ или въ большой садъ, содержимый въ безупречномъ порядкѣ. Тотъ же А. И. Михайловской любилъ повторять: „говорятъ, глупая голова ногамъ не покой, а вотъ и разумная голова, а ногъ не жалѣетъ“. Только такою жизнію отецъ и могъ прожить 70 лѣтъ и сойти въ могилу съ густою сѣдою головою безъ преждевременныхъ недуговъ. Какъ всѣ мыслящіе люди, обреченные обстоятельствами не дѣлиться мыслями, отецъ писалъ очень много, всегда стоя; онъ

оставилъ десятки томовъ выписокъ, мнѣній, замѣтокъ и за 43 года дневникъ. Разбирая эту лѣтопись съ любопытствомъ, усиленнымъ единокровіемъ, я дивлюсь мощи его соображенія, оригинальности и вѣрности взгляда, прилежанію и начитанности; но..... что за страна, гдѣ въ столицѣ теряется достоинство, а въ провинціи тухнетъ всякая искра благодатной мысли? Послѣднія десять лѣтъ отцовской жизни все болѣе и болѣе стынутъ, и концу свѣтлаго разума и упорной воли предшествуетъ безучастіе ко всему творящемуся кругомъ, апатія. Періодъ этотъ, къ счастію, былъ не продолжителенъ; но грустная тѣнь его ложится все гуще и гуще на замѣтки послѣднихъ дней жизни.

Покойникъ былъ не менѣе строгъ къ другимъ; его считали суровымъ хозяиномъ, любившимъ, чтобъ его слушали. Въ распущенную деревенскую сферу онъ ввелъ корабельный порядокъ и крѣпко держалъ бразды власти почти до самаго исхода жизни. Туже строгость онъ внесъ въ семейныя отношенія. Съ дѣтьми онъ игрывалъ подчасъ какъ ребенокъ, но до пяти-лѣтняго только возраста; тамъ начиналось ученье и ломка природы, безъ пыла или гнѣва, но съ неослабнымъ постоянствомъ и почти педантскою точностію. Въ настоящее время отца сочли бы человѣкомъ жесткимъ; и мнѣ, въ молодости, онъ казался суровымъ. Помню, какъ 25-и лѣтъ, будучи командиромъ, я получилъ отъ него весьма сильныя наставленія, хотя восемь лѣтъ уже находился внѣ родительской опеки. Въ отвѣтѣ моемъ заключалось первое мое сопротивленіе. Старикъ тотчасъ понялъ, что пора слѣпаго повиненія прошла, написалъ ко мнѣ дружеское письмо, прибавилъ, что между нами нѣтъ судьи кромѣ взаимной любви и довѣрія, и съ тѣхъ поръ отношенія наши уравнялись, души уловили одна другую и держались въ тѣсныхъ объятіяхъ до самой его смерти въ 1856 году. Вообще, при рѣдкомъ благоразуміи, онъ по природѣ былъ нѣженъ, впечатлителенъ; но два рода крѣпостнаго права учерствили внѣшнюю его оболочку: одно, служебное, прошлось по его молодости; другое, не имѣвшее логической причины существованія, кресть янское, оплело зрѣлый возрастъ своими зловредными путами.

Насъ начали учить рано и учили много. Въ 8 часовъ утра мы занимались уже съ Русскимъ учителемъ, проходившимъ съ нами грамматику, исторію и географію; отъ него переходили къ какому-то землемѣру, преподававшему математику; впрочемъ на этотъ предметъ, къ несказанному нашему горю, отецъ всегда находилъ самъ время и прошелъ съ нами геометрію, часть тригонометріи и алгебры. Вмѣсто отдыха, насъ придвигали къ фортепіано, гдѣ меня немилосердно билъ по пальцамъ какой-то *Худобій*, вполнѣ стоившій своего имени, или отдавали въ распоряженіе пана *Садовскаго*, весьма безцеремонно выкручивавшаго мнѣ ноги. Послѣ обѣда, до шести часовъ, шли иностранные языки – Французскій и Нѣмецкій; Англійскому учили шутя. Французскій преподавалъ нашъ строгій гувернёръ *m-eur Delattre*, а въ Нѣмецкомъ упражнялась съ нами коварная *Фрау Вернеръ*, узкая щепетильная Нѣмка, будто не замѣчавшая нашихъ проказъ и дивившая насъ своимъ терпѣніемъ. На другой день только, въ часъ обѣда, мы познавали ея коварство, облекаясь въ колпакъ съ надписью „грубіянъ“, „лѣнтяй“ и т. п., и садясь въ уголъ за особый столъ. *Delattre*, въ качествѣ гувернёра присутствовавшій на всѣхъ урокахъ учителей мужскаго пола, былъ совершенно инаго склада. Онъ требовалъ вниманія не только къ преподавателю, но и къ самому себѣ, не дозволялъ ни малѣйшей свободы въ позахъ, никакого развлеченія и, убѣжденный въ необходимости кого-либо изъ насъ выйти изъ класса, звалъ соотечественника своего *Collet*, нашего дядьку, и приказывалъ ему возвратить тотчасъ отлучившагося. Но *Delattre* рѣшалъ все самъ, иногда даже очень больно. Зимою онъ обыкновенно старался дѣйствовать убѣжденіемъ, но лѣтомъ,

когда начинались правильныя прогулки, становился настоящимъ школьнымъ учителемъ, ломалъ первый прутъ и наказывалъ. Садъ нашъ раздѣлялся двумя прудами, на фруктовый и такъ называемый Англійскій. Послѣдній служилъ лобнымъ мѣстомъ. Въ одинъ изъ пріѣздовъ домой со службы, я какъ-то гулялъ по немъ съ отцомъ и высказалъ, что мѣсто будитъ во мнѣ не совсѣмъ пріятныя воспоминанія. Выслушавши отчетъ о нихъ, отецъ усомнился въ справедливости словъ моихъ и спросилъ, отчего же мы никогда не жаловались. Я не могъ конечно представить вещественныхъ доказательствъ по истеченіи многихъ лѣтъ; а что̀ касается жалобъ, мы не слыхали ихъ ни отъ кого въ домѣ и сами заразились примѣромъ. Впрочемъ намъ безпрестанно твердили не жаловаться и не приказывать. То и другое врядъ ли могло случаться, такъ какъ система отца требовала личнаго удовлетворенія всѣхъ нуждъ и полнѣйшей независимости отъ чужой помощи: мы сами готовили и убирали наши кровати, прибирали спальню, чистили платье, три раза въ недѣлю башмаки (чтобъ умѣть и это дѣлать) и даже носили каждый свой приборъ, чтобъ зашить прорѣху въ куртк̀ѣ или на штанахъ. Кто считалъ себя не въ состояніи этого сдѣлать, обыкновенно являлся къ обѣду разорваннымъ; отецъ говорилъ, что Василій-портной очень занятъ и обыкновенно продолжалъ неблагообразную выставку нѣсколько дней. Въ часы свободы мы бѣгали, ѣздили верхомъ, ловили рыбу и ходили на охоту, все сопровождаемые аргусомъ-Делятромъ и его преданнымъ помощникомъ Колей. Иногда, но весьма рѣдко, отецъ бралъ насъ съ собою, что̀ было истиннымъ праздникомъ. Делятръ, до фанатизма ревностный къ своему дѣлу, не довольствовался дневнымъ наблюденіемъ. Ложась вмѣстѣ съ нами, для примѣра, онъ конечно не могъ засыпать невиннымъ сномъ усталой юности и наблюдалъ за нашимъ поведеніемъ въ самомъ снѣ. Заскрипитъ ли кровать отъ судорожнаго движенія: „Allongez les jambes, m-eur Nicolas'. „M-eur Delattre, j'ai une crampe'.— „Une fable de Lafontaine demain, et des plus longues; ça Vous fera passer la crampe". „Pourquoi ne dormez-vous pas, m-eur Jean? Qu'est-ce qui vous trotte par la tête? Vous avez trop de temps à Vous; apprenez pour demain soir à conjuguer le verbe *dormir*", и т. д. Не отдѣлаешься, бывало, отъ несноснаго Француза никакою уловкою. Самъ живо помнилъ свою молодость и не ловился ни на какія дѣтскія штуки.

Съ такого-то шнура пустили насъ съ братомъ въ 1830 году въ среду 500 воспитанниковъ морскаго кадетскаго корпуса. Вступительный экзаменъ, конечно весьма нестрогій, такъ какъ возрастъ указывалъ для насъ малолѣтное отдѣленіе, вполнѣ удовлетворилъ отцовское самолюбіе. Почтенный директоръ, И. Ф. Крузенштернъ, наговорилъ отцу много пріятнаго и впослѣдствіи долгое время хвалилъ насъ въ своихъ письмахъ къ нему. Между корпусными офицерами отецъ нашелъ прежнихъ товарищей, въ томъ числѣ всѣмъ воспитанникамъ памятнаго, достойнѣйшаго инспектора классовъ М. Ф. Горковенко. Ему особенно поручилъ насъ родитель, помолился вмѣстѣ съ нами въ Казанскомъ соборѣ и отправился радѣть о птенцахъ, оставшихся дома, съ надеждою, что дальнѣйшее образованіе наше пойдетъ успѣшно и приведетъ къ должному результату. Этой основательной, какъ казалось, надеждѣ не суждено было осуществиться, въ отношеніи меня по крайней мѣрѣ.

Происшествія 1825 года, имѣвшія вліяніе на складъ общественной жизни вообще во всей Россіи, отразились преимущественно въ воззрѣніи правительства на воспитаніе юношества. „Пагубныя идеи хотѣли отсѣкать въ самомъ зародышѣ, или точнѣе въ такомъ возрастѣ, гдѣ едвали зараждаются какія-либо идеи. Сборища молодыхъ людей въ учебныхъ заведеніяхъ представляли удобное поле для новыхъ экспериментовъ. Тамъ легко было прилагать новый методъ *en grand*. Прежде въ школахъ были

жестки по невѣжеству, грубости; съ начала этой эпохи стали жестоки по убѣжденію, изъ фанатизма. Въ этомъ переходѣ отъ одного уродства къ другому, еще болѣе безобразному, судьба предоставила меня попеченію корпуснаго начальства. Во всѣ государственныя заведенія, не въ одни военныя только, назначили безсердыхъ муштровщиковъ, извѣстныхъ способностію выбивать вздоръ изъ головы, и стали учить „по нашему: разъ! два! а книги сохранять лишь для большихъ оказій". Потому ли что флотъ не могъ быть страшенъ, или по противорѣчію въ дѣйствіяхъ, морской корпусъ отдали И. Ф. Крузенштерну, едвали не единственному представителю гуманности въ то желѣзное время, придавши ему, однако, въ помощники контръ-адмирала Качалова. 14-го Декабря Качаловъ догадался подмочить часть патроновъ возмутившагося гвардейскаго экипажа; педагогическія же его достоинства ограничивались знаніемъ великой науки шагистики и необыкновенною пѣвучестію голоса въ командованіи на плацѣ. Не помогли, впрочемъ, Крузенштерну ни его личныя убѣжденія и качества, ни Европейская извѣстность. Подчиненные воспитатели очень скоро поняли, что дѣло не въ директорѣ, издѣвались надъ воззрѣніями ученаго старца, на полвѣка опередившаго свое время, и сообща, варварскимъ скопомъ, безпрестанно доказывали ему несостоятельность его мечтаній. Прикащичье самолюбіе ихъ оскорбилось положительнымъ запретомъ новаго хозяина бить и сѣчь безъ его вѣдома. До Крузенштерна каждый офицеръ имѣлъ неограниченное право на тѣло воспитанника; сѣкли съ проигрыша, съ перепоя, послѣ ссоры между собою, въ восторгѣ отъ какой нибудь актрисы или въ досадѣ на лакея; короче, царилъ *прутовой произволъ*. Въ мое время, несмотря на человѣчныя стремленія директора, встрѣчавшаго, какъ я сказалъ, расчитанное сопротивленіе, ввелась *прутовая система*. До физическихъ наказаній Крузенштернъ требовалъ опытовъ убѣжденія, вліянія средствъ нравственныхъ; но подчиненные его были рѣшительно неспособны къ тому и выводили старика изъ терпѣнія, подробно излагая ему каждый разъ употребленныя ими якобы педагогическія усилія. Въ самомъ же дѣлѣ усилія эти ограничивались бранью и толчками, и доклады о нихъ дѣлались единственно съ цѣлью приблизить виновниковъ къ юдоли плача и страданій. Сѣченіе раздѣлялось на три разряда: келейное, при ротѣ и при собраніи цѣлаго корпуса. Въ приказахъ директора не означалось число ударовъ: какъ Богъ на душу положитъ, такъ и били. Повѣрятъ ли, что мнѣ, 11-ти лѣтнему, дали 200 ударовъ за грубость; но моя доля „не столь еще была плачевна". Были аматёры, сѣкшіе безъ счета, съ циническими приговорками, а мудрый Качаловъ, исполнявшій обязанность главнаго заплечнаго мастера и завѣдывавшій экзекуціями генеральными, давалъ до 600 ударовъ, вѣроятно для поддержки достоинства своего адмиральскаго званія. Исполнители были подобающимъ образомъ дресированы, и мнѣ не довелось никогда видѣть впослѣдствіи чего либо подобнаго употреблявшимся орудіямъ пытки. Всѣмъ памятенъ барабанщикъ Дубаковъ, истязавшій не только больно, но и красиво. Однимъ словомъ, сѣченіе, доведенное до степени искусства, вошло въ программу морскаго корпуса, даже заняло въ ней почетное мѣсто. Конечно нужно принять въ расчетъ время и трудность вести 500 юношей, у которыхъ кровь вращается быстро; но все же, разбирая подробности системы, продумывая ея градаціи, наконецъ недоумѣвая передъ чудовищностію масштаба, трудно прибрать извинительныя причины, хотя время было дѣйствительно безсмысленное. Добро бы думали вгонять нравственные принципы чрезъ накожный процессъ, или смирять униженіемъ, или наконецъ дѣйствовать на другихъ, еще не испытавшихъ героическаго лѣ-

карства, но нуждающихся въ немъ; нѣтъ: сѣкли вовсе не соображаясь ни съ физическими силами пацієнта, ни съ его психологическими условіями; просто совсѣмъ не думали, и досада на лишеніе произвола прохаживалась по нашимъ спинамъ безъ зазрѣнія. Такимъ своеволіемъ въ наказаніяхъ и недобросовѣстностію въ средствахъ привести къ нимъ думали вкоренить въ насъ понятія о дисциплинѣ!

Публичныя наказанія имѣли на присутствовавшихъ различныя дѣйствія. Одни, сохранившіе еще стыдъ и врожденныя чувства, плакали изъ состраданія къ несчастному, другіе скрежетали зубами отъ злобы на его мучителей; третіи, потерявши уже всякую человѣчность, любовались выхлестами Дубакова и судорогами страдавшаго; наконецъ между самими истязаемыми весьма много было такихъ, которые скрывали упорно всякое чувство боли. Не двигаться какъ трупъ, не испускать ни малѣйшаго стона, такъ чтобъ при всеобщемъ безмолвіи раздавался единственно свистъ лозы, считалось молодечествомъ и давало право на нѣкоторое уваженіе товарищей. Мудрено ли, что при безсердіи воспитателей воспитанники скоро теряли растворяющій душу огонекъ семейной нѣжности и сами превращались въ юныхъ Спартанцевъ? Побои и колотушки раздавались неумолчно въ часы досуга, и бо́льшая или меньшая степень выносливости, безъ жалобъ, служила мѣриломъ нравственной силы и вела къ повышенію, въ той же разумѣется сферѣ, т. е. избитый избивалъ въ свою очередь другихъ. Такъ дѣйствовалъ въ корпусѣ законъ возмездія.

Учили насъ многому и, какъ выборъ профессоровъ зависѣлъ единственно отъ умнаго и ученаго директора, учили толково. Образовательная сторона корпуса оставила во мнѣ самыя благодарныя воспоминанія, которыя едвали могутъ питать непосредственно за мною слѣдовавшіе. Крузенштернъ сошелъ въ могилу, и преемники его стали набирать учителей

„Числомъ поболѣе, цѣною подешевле“.

Въ мое время немало было преподавателей достойныхъ, извѣстныхъ: Устряловъ, Максимовичъ, Шульгинъ, Джонсъ и другіе. Они-то мирили насъ съ горькою долею, не только радѣя по долгу о нашемъ умственномъ развитіи, но смягчая нашу ожесточенность отвлеченными бесѣдами, которыя по временамъ дозволяли себѣ какъ минутное развлеченіе отъ сосредоточенности, требовавшейся преподаваніемъ. Отъ ихъ благотворнаго вліянія мы переходили безпромежуточно въ фельдфебельскія рукавицы велемудраго Качалова. Наука ремешковъ тогда вводилась со всѣмъ рвеніемъ неофитства, со всею силою убогаго самолюбія, удовлетворяющагося движеніемъ массъ по одному слову, даже по отрывистому звуку тупаго барабана. Обыкновенно насъ занимали фронтомъ тотчасъ послѣ классовъ, на тощій желудокъ, для легкости движеній, и здѣсь-то эксгвардеецъ Качаловъ, довольствовавшійся, не смотря на адмиральскій чинъ, званіемъ нашего баталіоннаго командира, выказывалъ свои Наполеоновскія способности. Водили насъ взводами и цѣлыми колоннами по огромной корпусной залѣ въ ногу, вовсе не думая о законахъ механики и требованіяхъ архитектуры. Пѣвецъ параднаго плаца и Михайловскаго манежа одушевлялся воинственнымъ огнемъ, безъ сомнѣнія мечталъ о сраженіяхъ, въ которыхъ не бывалъ и о которыхъ не слыхалъ и, приходя въ ярость отъ ошибокъ, вдругъ останавливалъ массы и впадалъ въ краснорѣчіе. Ни мы, ни офицеры, къ которымъ толкованія преимущественно обращались, ничего не понимали; да и самъ профессоръ сознавалъ, кажется, неудобопонятность своей фразеологіи, запинался, повторялъ нѣсколько разъ любимое „коль скоро“ и затѣмъ давалъ знакъ рукою. Барабанщики принимали, профессоръ продолжалъ шевелить губами, но до насъ до-

ходила только барабанная трескотня. Все это ничему не мѣшало бы, еслибы держалось въ предѣлахъ умѣренности; но, повѣрятъ ли, отъ этой кукольной комедіи зависѣла будущность? Вниманіе высокопоставленныхъ лицъ къ подобнаго рода бирюлькамъ искажало юношескія понятія и направляло соревнованіе наше въ самые пустые каналы. Сведутъ, бывало, всѣхъ кадетъ на плацъ или въ манежъ, и каждый разъ возвратимся оттуда съ смѣшными или печальными разсказами, на долго остававшимися въ памяти молодежи и никакъ не поддерживавшими въ ней уваженіе къ воспитателямъ.

Въ 1830 году кадеты вышли изъ терпѣнія: такъ скверно кормили насъ. Сначала кричали изъ за угла эконому различныя плоскости; помню, что самая любимая была слово „говядка“, само по себѣ ничего не значущее, не менѣе того бѣсившее разжирѣвшаго на нашъ счетъ кормителя нашего. Огъ „говядки“, вовсе не улучшившей говядины, перешли къ шиканью, шарканью при входѣ въ обѣденный залъ, общему хохоту по условному сигналу, и наконецъ подошвообразное вещество, котораго не могли переварить даже кадетскіе желудки, полетѣло въ виновника нашего бѣдствія. Вотъ надѣлавшій столько шуму бунтъ морскаго корпуса.....

Въ другой разъ, по поводу какой-то ошибки на разводѣ, къ намъ были присланы флигель-адъютанты Назимовъ, Астафьевъ и Гогель учить насъ денно и нощно фронтовому дѣлу. Вѣстники грозной воли старались по возможности смягчить исполненіе ея; не менѣе того въ теченіи нѣсколькихъ недѣль классы были заперты, и насъ всецѣло предали муштру.

Такими эпизодами знаменовалось шести-лѣтнее пребываніе мое въ корпусѣ. По прошествіи четырехъ лѣтъ я экзаменовался въ офицеры, выдержалъ экзаменъ блистательно. Въ наукахъ, сколько помню, со мною соперничалъ по баламъ только Горковенко, племянникъ инспектора, и хотя мнѣ сулили эполеты, если окажусь довольно развитымъ, однакожъ оставили въ корпусѣ по недостатку лѣтъ съ производствомъ, въ утѣшеніе, въ фельдфебели гардемаринской роты. Мнѣ было 14 лѣтъ и девять мѣсяцовъ отъ роду, и не знаю, на какихъ соображеніяхъ основалось начальство, радѣвшее о дисциплинѣ, назначая фельдфебелемъ ребенка, когда въ ротѣ были слишкомъ 20-ти лѣтніе. Серебрянный темлякъ не избавилъ меня отъ грубаго обращенія. Именно тогда преобразовывали зазнавшуюся гардемаринскую роту. Реформа привела къ тому, что изъ 114-ти воспитанниковъ уже готовыхъ стяжать плоды ученія, 60 разосланы рядовыми или унтерофицерами на Кавказъ и въ другіе полки арміи, или отданы на попеченіе родителей. Стольких жертвъ не стоила, кажется, сама Іюльская революція, отъ которой не въ одной Франціи, но и въ морскомъ корпусѣ началась новая эра.

Въ періодъ повторенія твердо выученныхъ задовъ, обратилъ на меня вниманіе свѣтлѣйшій князь Меншиковъ, тогда всесильный по флоту, обновлявшій его не съ плебейскою грубостію, а аристократо-макіавелическими пріемами, сѣявшими съ сплоченномъ дотолѣ сословіи раздоры, взаимное недовѣріе и подозрительность. Описаніе Александровской мануфактуры, представленное мною послѣ осмотра ея, удостоилось вниманія свѣтлѣйшаго. Князь сталъ звать меня къ себѣ, ласкалъ, развивалъ зародившуюся любознательность, позволялъ рыться въ своей библіотекѣ и вообще пріятно удивлялъ меня человѣческимъ обращеніемъ. При всемъ умѣ, трудолюбіи и начитанности, князь Меншиковъ тогда уже поражалъ меня какимъ-то Потемкинскимъ *sans façon* въ разговорахъ и страстью къ балагурству. Англійская набережная, на которой стоялъ домъ впослѣдствіи ему подаренный, была въ то время фашіонабельнымъ гуляньемъ. Князь устроилъ вы-

ступное окно и изъ него караулилъ появленіе Императора. Въ часы ожиданія двигались по набережной различныя личности, и острый на слово князь не пропускалъ никого безъ колкихъ, иногда несовсѣмъ нравственныхъ, замѣчаній. Но тѣхъ, къ которымъ особенно лежала его сатирическая душа, свѣтлѣйшій бралъ на языкъ у самаго Исакіевскаго моста и не спускалъ до будки въ другомъ концѣ набережной. Онъ нисколько не стѣснялся окружавшею его молодежью, утверждалъ, что Чернышевъ взялъ Кассель мошенническимъ образомъ, или, завидя Воронцова, начиналъ повѣствовать о своей осадѣ Варны, потомъ переходилъ къ продолженію ея и рисовалъ преемника такими чертами, какъ будто послѣ него, свѣтлѣйшаго, одолѣвалъ Варну какой-нибудь мастеровой сапернаго баталіона. Но какою мѣрою мѣрите, такою воздастся вамъ. Послѣ предсмертныхъ неудачъ не щадили въ свою очередь и зоила Англійской набережной. Не разъ, чрезъ много лѣтъ, случалось мнѣ слышать, проходя памятное окно, замѣчанія не менѣе ѣдкія на обвѣтшавшаго критика и нелестные намеки на безсильную уже его злобу.

Страсть къ балагурству подмѣтили усердные подчиненные. Всѣхъ услужливѣе и искуснѣе въ шутовскомъ отношеніи былъ неукъ-мичманъ N. Къ нему развлекавшійся князь всегда обращался съ просьбою представить какую-либо извѣстную личность. Повѣса отнекивался, выставлялъ свою скромность, молодость лѣтъ и незначительность положенія, а между тѣмъ тономъ голоса, движеніемъ глазъ и положеніемъ тѣла карикатурилъ указаннаго субъекта. Талантъ этотъ N. сохранилъ тщательно, не смотря на лѣта, положеніе и лѣность тучнаго тѣла.

Не спасло меня и покровительство свѣтлѣйшаго. На грубости я отвѣчалъ дерзостями, остался еще на годъ отъ выпуска и наконецъ, на третій годъ, былъ возвращенъ домой униженный, но не смиренный. Горькая судьба привела меня къ еще болѣе горькому факту—ко гробу матери.

Когда утомленный полвѣкомъ взглядъ смотритъ сквозь призму опытности на это хаотическое, безрадостное и безсознательное для мучителей и мучениковъ прошедшее, тщетно силится разумъ дойти до причинъ существовавшаго порядка. Тлѣющая еще искра человѣчества вспыхиваетъ пламенемъ негодованія. Отвращается самая пытливость отъ поражающихъ безобразіемъ представленій, и скорбная мысль съ быстротою переносится ко времени болѣе близкому. Но и здѣсь, въ сіяніи новой жизни, тьма прошлаго преслѣдуетъ своею мрачною тѣнью; и при новыхъ радостяхъ боль грустно стучитъ въ сердце. Дорого достается намъ всякое улучшеніе, медленно движется наше усовершенствованіе! Потребовалось тридцать лѣтъ безпримѣрнаго гнета, сотни тысячъ жертвъ и великое національное униженіе, чтобъ мы додумались до аксіомы, на которой зиждется человѣческая жизнь съ начала міра, чтобъ убѣдились, что дѣйствія основанныя на тупой вѣрѣ въ традиціи или авторитеты несвойственны природѣ человѣка; что всѣ такъ называемыя непреложныя истины служатъ средствомъ тлетворнымъ, разлагающимъ, если рядомъ нѣтъ умственной оцѣнки причинъ и послѣдствій.